

Народные мемуары

Валерий ГАБРУСЕНКО

ЧТО БЫЛО, ТО БЫЛО¹

* * *

Трудно представить советскую эпоху без лозунгов. Над воротами старого зоопарка когда-то висел плакат со словами знаменитого селекционера Мичурина: «Мы не можем ждать милостей от природы. Взять их у нее — наша задача!» Действительно, не ждать же, пока звери сами придут в город и добровольно заберутся в клетки!

У проходной спиртзавода (который снесли при расширении ул. Большевикской) висел такой лозунг: «Только труд приносит радость человеку!» Тут ни убавить, ни прибавить.

При выезде из-под железнодорожного моста на шоссе в сторону аэропорта Толмачево стоял огромный щит с лаконичными, как удар дубины, словами: «Коммунизм неизбежен!» Создавалось ощущение, что спрятаться от коммунизма некуда. Тогда мы и предположить не могли, что когда-нибудь вместо идеологических лозунгов появится наглая, во сто крат более назойливая коммерческая реклама и заполнит собой все обозримое пространство.

* * *

Объявление в НИИЖТе: «6 ноября состоится торжественное собрание, посвященное Великой Октябрьской социалистической революции. Явка сотрудников и студентов обязательна. Вход свободный». Про выход ничего написано не было...

* * *

Столь же трудно представить советскую эпоху без очередей в магазинах. В 1950—1960-е годы в основном стояли за продуктами питания. В те годы в центре города в старинном одноэтажном доме рядом с кинотеатром «Пионер» работал магазин «Мясо», где после долгого стояния можно было купить говядину или жирную свинину. Однажды

¹ Окончание. Начало в № 5/2024

и это не помогло — мясо быстро закончилось. Народ не поверил, начался скандал с обвинениями дирекции в умышленном сокрытии товара (отпускать дефицитный товар «по благу» с черного хода было общепринятой практикой). Громче и обстоятельнее всех возмущался один крепкий пенсионер. Однако после того как его отправили «народным депутатом» для переговоров с дирекцией, обратно «депутат» не возвратился. Как выяснилось, ему нагрузили полную сумку мяса и проводили через черный ход. Многое изменилось в нашей жизни за 60 лет, только повадки «народных избранников» остались прежними.

В связи с этим случаем вспоминается старый советский анекдот. Собралась большая толпа, ожидающая открытия мясного магазина. Выходит на крыльцо директор:

— Русские есть?

— Есть!

— Говядины не будет.

— Украинцы есть?

— Есть!

— Свинины не будет.

— Татары есть?

— Есть!

— Баранины не будет.

— Коммунисты есть?

— Есть!

— Разъясните международную обстановку!

* * *

В 1957 году я второй раз побывал в гостях у дяди в Крыму, теперь уже в украинском (Хрущев его передал из состава РСФСР в состав УССР в 1954 году. — Ред.). Все было, как прежде, все говорили по-русски, только надписи на двух языках вызывали смесь любопытства с отторжением. Особенно потешили надписи у мраморных львов, охраняющих вход в Воронцовский дворец. Внизу по-русски была надпись «Спящий лев» — по-украински «Лев, що спыть». Выше по лестнице — «Пробуждающийся лев» (укр. «Лев, що трохи не спыть»). А на самом верху — «Бодрствующий лев» (укр. «Лев, що не спыть»). Сразу подумалось: «А что, в украинском языке причастий нет?»

* * *

По окончании школы я решил поступать в Сибстрин и стать архитектором, но не хватило одного балла (в сочинении «не раскрыл образ» какого-то героя и получил тройку). Поскольку к тому времени экзамены во всех вузах прошли, меня взяли только на вечернее отделение железнодорожного института (НИИЖТа) по специальности «Промышленное и гражданское строительство». Так как заочники и вечерники были обязаны работать по специальности, пришлось устраиваться работать на стройку. Вместе со мной пошел мой уличный приятель Сережка Попов. Кадровичка предложила написать заявления о приеме на работу.

Сереежа написал его так: «Заявляю о своем желании работать в вашей организации разнорабочим на стройке». Кадровичка сказала, что нужно писать не «Заявляю...», а «Прошу принять на работу...». Сереежа спорить не стал, написал, как она требовала, но вместо слова «Заявление» написал «Прошение». Его железная логика (если «заявление», то «заявляю», если «прошу», то «прошение») на тетку не подействовала. В итоге Сереежку на работу не приняли.

Проработав на стройке год, я решил вновь поступать в НИИЖТ на дневное отделение. Поступление совпало с очередной хрущевской «реформой». На сей раз три четверти мест выделялось абитуриентам с производственным стажем не менее двух лет либо демобилизованным солдатам. Все остальные должны были приобрести соответствующий стаж во время учебы. В результате на оставшуюся четверть мест был огромный конкурс. При зачислении выяснилось, что в нашу группу вне конкурса с целью «подготовки национальных кадров» включены шесть казахов, сдавших вступительные экзамены у себя дома «на отлично». Шестеро русских, уже считавших себя студентами, были отправлены за борт. Из «наших» казахов до диплома дошел только один...

Наша группа два года работала на строительстве правого крыла НИИЖТа, а по вечерам училась. В результате учились мы шесть лет. Зато я сделал «головкружительную» карьеру — от землекопа до крановщика башенного крана.

А о том, что не стал архитектором, я не пожалел. После хрущевского «Постановления об устранении архитектурных излишеств в проектировании и строительстве» (1955 год) и перевода строительства на типовые проекты и сборный железобетон архитекторам оставалось только, как детям, собирать дома из кубиков и расставлять их на плане. Повезло лишь тем, кто проектировал административные здания, дворцы культуры и подобные нетиповые объекты.

* * *

В 1959 году был расформирован Тбилисский железнодорожный институт. Часть его студентов приехала доучиваться к нам. Среди них выделялся блондин по фамилии Голубев, который говорил с подчеркнуто грузинским акцентом и общался с нами, аборигенами, через губу. Впрочем, и с настоящими грузинами «дружба народов» не успела сложиться. Вскоре их, включая Голубева, отчислили за неуспеваемость. С грехом пополам до диплома дотянул лишь один, да и тот с фамилией Шустер.

* * *

Долгие годы существовала вражда между студентами НИИЖТа и мединститута, общежитие которого находилось неподалеку от нас. Корни вражды уходили во времена, когда НИИЖТ еще был НИВИТом (институтом военных инженеров транспорта) и в нем учились преимущественно парни. Объектом их повышенного внимания, естественно, становились студентки-медики, что не нравилось студентам-медикам. И хотя в мое время в НИИЖТе уже училось немало девчонок, вражда

сохранилась. Чаще всего она проявлялась в кулачных потасовках на танцах в общежитии медиков.

Апофеозом вражды стал инцидент, инициаторами которого были мостовики. На их факультете невесты всегда были в дефиците. На военных сборах мостовики умудрились стащить 200-граммовую толовую шашку с огнепроводным шнуром и капсюлем-детонатором, которой по приезде в Новосибирск попытались взорвать мужскую часть общежития медиков. Взрыв произвел большой общественный резонанс, но оказался жидким — у здания снаружи было лишь слегка повреждено несколько кирпичей. Исполнителей не нашли. Больше всех возмущался интеллигентнейший Николай Павлович Зиновьев, подполковник-фронтовик, читавший на военной кафедре курс по заграждению (минированию) железных дорог. На первой же после этого события лекции он укорял студентов своим глуховатым басом: «Мне стыдно за вас! Все, чему я вас учил, — псу под хвост. Толовой шашкой при правильной установке можно разрушить пролетное строение большого моста, а вы не смогли разрушить даже трех кирпичей!»

* * *

Однажды мокрым осенним вечером мы с приятелем проходили около здания Совпартшколы (теперь здесь находится архитектурный университет) и обнаружили на тротуаре воротник из чернобурки. Не раздумывая, мы сдали его в расположенный неподалеку «Пункт охраны общественного порядка» (таких пунктов в городе было много). Дежурный милиционер принял находку и записал наши данные. На удивление, воротник нашел свою ветреную хозяйку, которая не поленилась съездить в НИИЖТ и выразить благодарность руководству. О ее визите я узнал из институтской газеты «Кадры — транспорту», где была напечатана заметка под названием «Молодец, Валерий!». Начиналась она так: «Валерий Габрусенко известен в институте как музыкант, активный участник художественной самодеятельности. А недавно нам сообщили о нем следующее...» — и заканчивалась словами, вынесенными в заголовок. После этой заметки мне проходу не было. Все знакомые парни ехидно приветствовали меня словами «Молодец, Валерий!». А кульминацией стало обращение ко мне одной дуры из учебной части с просьбой найти ее вещь, тоже потерянную на улице...

* * *

Практические занятия по строительной механике у нас в группе вел почти наш ровесник, только что окончивший институт молодой преподаватель Виктор Б-ков. На первом занятии он страшно волновался и постоянно делал ошибки, которые сам же исправлял. После очередной корректировки он не выдержал «солидной» позы и произнес: «Что-то я сегодня все описываюсь и описываюсь». Хохот в аудитории деморализовал его окончательно...

Курс технологии строительного производства нам читал бывший фронтовик В. И. Воротников. Свой предмет он очень любил, лекции читал, как стихи декламировал, а первую лекцию начал с особым пафосом:

«Товарищи, залп “Авроры” возвестил новую эпоху в развитии строительного производства!» Перед войной он начинал учиться на филфаке, хорошо знал литературу, а в наше время был автором многочисленных пародий и эпиграмм. На одном из литературных вечеров, которые регулярно проводились в институте, он под дружный смех аудитории прочел свой «Семиугольный огурец» — язвительную пародию на «Треугольную грушу» А. Вознесенского.

Как-то идем мы с сотрудником кафедры (я тогда уже работал в институте) и встречаем Воротникова. Коллега говорит: «Поздравьте, Владимир Иннокентьевич, его (указывая на меня), у него сегодня родилась дочь». В ответ звучит: «У, бракодел!» Сотрудник, большой сноб, отвечает: «Позвольте! А вот Хемингуэй считает, что только у настоящих мужчин рождаются девочки». На что Воротников чеканно продекламировал: «К литературе страсть имея, // Купил себе Хемингуэя. // Скажу по совести, друзья, // Не понял ни хемингуя».

В то время работал в НИИЖТе доцент Х-пов, этакий хомячок невысокого роста и плотненького сложения. Он только что защитил кандидатскую диссертацию. Однако в ВАКе (Высшей аттестационной комиссии, которая принимает окончательное решение) диссертация чем-то не понравилась, и его вызвали в Москву. Идет он по институтскому коридору с телеграммой, хватается за сердце и падает в обморок. Естественно, в Москву шлют телеграмму, что Х-пов из-за сердечного приступа приехать не может. Проходит время, поступает второй вызов, и история повторяется. В конце концов в ВАКе решили, что Х-пов, как видно, не жилец, и защиту его диссертации утвердили. Тот прожил еще лет сорок без единого сердечного приступа...

Курс металлических конструкций у нас вел сам зав. кафедрой Федор Федорович Краснов — замечательный лектор, интеллигентный и мудрый человек. Как-то, уже работая в институте, встречаю его стоящим возле аудитории, где студенты сдавали экзамен. О чем-то разговорились, а потом он сказал: «Ну, мне пора. Думаю, они уже списали все, что надо». Он не препятствовал списыванию, разумно полагая, что все формулы, особенно если они эмпирические, с разнообразием коэффициентов, студент может только механически вызубрить, а не выучить. При этом Ф. Ф. было достаточно задать три-четыре вопроса, чтобы безошибочно узнать, понимает ли студент, что написал. Когда я учился у него, один наш отличник на этом попался и получил тройку.

Другой лектор с той же кафедры, Я. С. Левенсон, слыл «либералом». Принимая курсовые проекты, он не читал расчетно-пояснительной записки, не задавал вопросов и не требовал защиты, а мельком просматривал чертежи и ставил четверку. Если студент хорошо знал предмет и четверка его не устраивала, Левенсон без лишних вопросов ставил пятерку. Оттого прием курсовых работ занимал у него от силы два часа, а не целый день, как у других.

Однажды вместо заболевшего лектора две лекции по математике нам блестяще, с артистизмом прочел сам зав. кафедрой Савелов. Мы слушали их, затаив дыхание, все было доходчиво и понятно. Однако,

раскрыв потом тетради, обнаружили, что конспектов нет, есть только отрывочные фразы и формулы и без учебников обойтись нельзя. Полной противоположностью Савелову был лектор по физике, женщина (забыл ее фамилию). Она два часа подряд монотонно читала свои конспекты, а мы писали, не успевая соображать, о чем пишем. Зато по ее лекциям можно было сдавать экзамены, не заглядывая в учебники. Когда я стал читать лекции сам, старался придерживаться золотой середины.

В молодости я любил шутить, особенно когда попадалась благодарная публика. Иногда бывал настолько «в ударе», что компания покатывалась со смеху. Однажды эта публика меня и подвела. Был у нас в группе слегка заикающийся студент Игорь И-цев, человек умеренных знаний и усердия. В обычном разговоре его заикание было совершенно необременительным, но когда он сдавал курсовой проект, зачет или экзамен, то заикался так сильно, что преподаватели, не выдерживая пытки, ставили ему четверку (да еще грызли себя сомнениями, не занизили ли оценку).

Я решил воспользоваться его опытом при сдаче зачета по санитарной обороне (существовал и такой предмет!), к которому был совершенно не готов. Принимала зачет молодая врач. Беру билет, делаю вид, что готовлюсь, и иду отвечать. Первый же свой звук я начал с протяжного воя с сильным прерывистым вдохом, высовыванием языка, энергичным подергиванием головы и закатыванием глаз — в общем, все как у настоящего дефективного. Врач сочувственно смотрит на меня, пытается подсказывать, но без толку. Все дело испортили сидевшие в аудитории одноклассники. Они долго крепились, но не выдержали и зарыдали от смеха. Я в сердцах сказал нормальным голосом: «Вот черти!» На этом представление закончилось. Зачет я не получил. Пришлось готовиться по-настоящему.

* * *

Военные сборы студенты НИИЖТа проходили в железнодорожных войсках на станции Саянская строящейся линии Абакан — Тайшет. Месяц пребывания в армии оставил в моей памяти несколько событий.

Перед нашим приездом на сборы в части произошло трагическое событие. Во время ледохода на небольшой речке Майне майор-подрывник, оставшийся невредимым в войну, бросал с берега на лед толовые шашки — взрывами крошили льдины во избежание затора перед опорами временного железнодорожного моста. Длина огнепроводного шнура была рассчитана ровно на такое время, чтобы его можно было поджечь и забросить шашку подальше. Работа была утомительно однообразной, притупляющей внимание. Что-то отвлекло майора после того, как он поджег шнур. Он не успел бросить шашку, и она взорвалась в его руках...

Командиром нашего взвода был молоденький лейтенант, лишь на два-три года постарше нас. Он был исключительно прост в общении, без командирского чванства и заискивания перед более образованными студентами, но никому из нас не приходило в голову обращаться к нему фамильярным тоном. Военное дело он знал великолепно, многому нас терпеливо учил и тратил на это все свое время. Одним словом, был «отцом-командиром», и мы платили ему уважением и полным доверием.

Руководство стрельбой на 25 метров из пистолета Макарова вел подполковник Никифоров, блестящий строевик, орденосеиц, прошедший всю войну. При стрельбах он стоял на безопасном расстоянии — метрах в десяти сбоку от мишени. Подошла очередь последнего оставшегося в нашей роте (на 4-м курсе) казаха. Тот долго целится, зажмурив один глаз, потом зажмуривает второй и стреляет. Никифоров падает как подкошенный (пуля просвистела рядом с его ухом) и лежа кричит: «Не стрелять!» Затем встает побледневший и подходит к казаху. Тот вместе с пистолетом на вытянутой руке поворачивается к Никифорову. Никифоров уже спокойно командует: «Убери оружие». Тот поворачивает пистолет на нас. Тогда подполковник резко выхватывает пистолет из руки незадачливого стрелка и начинает крыть его так, как это может делать только русский человек в минуты особого вдохновения.

* * *

Учился в нашем потоке некий С. В-штейн. Поработав после окончания института непродолжительное время вместе со мной в НИЛ (научно-исследовательской лаборатории) железобетона, он сообразил, что там для написания диссертации нужно много пахать, и наострил лыжи. Я попытался его отговорить, убеждая тем, что работа в НИЛ интересна в творческом отношении и дает большую практическую пользу стройиндустрии. На это он мне возразил: «О человеке общество судит не по тому, что он сделал для общества, а по тому, что он сделал для себя». К сожалению, фраза очень точная, и мои жизненные наблюдения ее слишком часто подтверждали. Сам В-штейн был силен не только в теории, но и в практике: он переориентировался на экономику (конечно, социалистическую!), где быстро защитил кандидатскую, а в конце 1980-х и докторскую диссертацию, и стал профессором института народного хозяйства. Надо полагать, что в 1990-е годы он с тем же успехом рассказывал студентам о пороках социалистической экономики и сплошных достоинствах капиталистической...

Валера К-тов был в нашей группе самым слабым студентом — он перевелся к нам с вечернего отделения на третьем курсе, а до того безуспешно учился в театральном училище. Он не знал, что такое дифференциалы и интегралы и даже что такое логарифмы, синусы и косинусы. Выглядел он каким-то беззащитным и жалким, поэтому ему все помогали: то в курсовом проектировании, то в подготовке к экзаменам и зачетам. А он все время приговаривал: «Ребята, вы же умные, куда мне до вас». Сиротинушка, да и только. Однако, к всеобщему изумлению, вскоре после окончания института он первым из всего потока защитил кандидатскую диссертацию. Как это ему удалось? Наверное, так же, как он делал курсовые проекты...

* * *

В 1950—1960-е годы НИИЖТ прочно держал первое место среди вузов города (консерватория не в счет) по самостоятельности и спорту. Наш ректор Николай Павлович Кондаков всячески поддерживал эти

направления, не забывая о главном — учебном процессе и научной деятельности. Выпускники института пользовались большим спросом в городском строительном сообществе и среди транспортников, чему способствовали прекрасные научные школы и преподаватели.

Концерты самодеятельности в НИИЖТе были на высоком уровне. В первом отделении исполнялись музыкальные номера из мировой классики. Выступал духовой оркестр, оркестр народных инструментов и танцевальный ансамбль, солисты — певцы и музыканты. Открывал концерты хор с ритуальной песней о Ленине или о партии, а потом переходил к русским народным песням или к хорам из классических опер. Студенты в зале не только внимательно слушали классическую музыку, но и часто устраивали овации.

Второе отделение было «полегче» — эстрадный оркестр с хорошими песнями, танцоры и модный в те годы «театр миниатюр». В памяти осталась пародийная защита диссертации на тему «Влияние лунного света на износ рельсов» и пародия на детектив: несмотря на упорные поиски шпиона людьми в форме, ловит его хрупкая пионерка — применяет приемы самбо, валит на землю, связывает своим галстуком ему руки, садится на него верхом и, подняв вверх руку, звонко произносит: «Чтоб совсем положительной быть, буду бдить, буду бдить, буду бдить!» Эта задорная пионерка потом стала моей женой...

«Генеральным» руководителем самодеятельности и одновременно руководителем духового оркестра был Владимир Кузьмич Фугенфиров (за глаза просто Кузьмич), ровесник века, фанатично преданный музыке. Музыкально неграмотные мальчишки осваивали у него нотную грамоту и учились играть на гобое, кларнете и медных инструментах. Был он невысокого роста, полноватым, эмоциональным и, несмотря на возраст, подвижным и энергичным. Если над кем-то из его подопечных нависала угроза отчисления, он врвался в кабинеты заведующего кафедрой, декана, а то и самого ректора со словами: «Вы что, хотите мне концерт сорвать?» (Варианты: «...лучший в городе оркестр загубить?», «...самодеятельность института развалить?»)

На последних курсах обучения я, выучившись сносно играть на трубе, стал официальным руководителем эстрадного оркестра НИИЖТа. Впервые за историю НИИЖТа оркестр занял первое место в городском конкурсе самодеятельности вузов.

В те годы одной из самых популярных песен была «Хотят ли русские войны». Пел ее Женя Д-ов — обладатель симпатичного мужественного лица, статной фигуры и превосходного густого баритона. На репетициях все прошло гладко. Однако на институтском концерте (это было его первое в жизни выступление) случился казус — Женя от волнения забыл слова. Спел первую строчку: «Хотят ли русские войны...» Оркестр: «Та-та-та-та». Женя молчит. Оркестр опять: «Та-та-та-та». Женя молчит. Ему уже громко подсказывают не только из-за кулис, но и из зала, а Женя молчит, как в оцепенении. В конце концов, он убежал со сцены и за кулисами разрыдался. Его успокаивали, как могли. К сожалению, в дальнейшем выступать на сцене он наотрез отказался.

Окончание сессии наша небольшая приятельская компания, человека три-четыре, часто отмечала дома у одноклассника Алика Басова. К столу всегда приглашали его бабушку, сухонькую, энергичную, но почти слепую старушку лет восьмидесяти «с хвостиком». Выпьет она с нами рюмочку, а вторую уносит в свою каморку, оставляет «для лечения». Как-то раз возвращается с пустой рюмкой:

- Ой, Алька, налей еще, не донесла я.
- Что, бабушка, пролила?
- Да нет, не удержалась, по пути выпила.

Моя бабушка, выпив полрюмочки некрепкого вина, всегда приговаривала: «Ох, крепка Советская власть!» В те далекие 1950-е годы власть была действительно крепкой, а вино, даже самое недорогое, очень хорошим. Так продолжалось до 1970-х годов, когда прилавки заполнили «Рубин», «Солнцедар» и прочая гадость, прозванная в народе «чернилами».

Тетушка Ира приезжала к нам каждый год навестить старенькую маму и сестер. В 1960 году я повел ее на оперетту «Поцелуй Чаниты» в недавно открывшийся Театр музыкальной комедии, где и сам до тех пор ни разу не был. Мне, воспитанному на операх, все — и солисты, и хор, и оркестр — показалось ужасно примитивным, на уровне плохой самодеятельности. Тетушка, чтобы не обидеть меня, делала вид, что с удовольствием слушает (или смотрит — до сих пор не знаю, слушают оперетту или смотрят). К счастью, в театре оказался хороший буфет, куда мы отправились в первом же антракте и выпили по рюмке какого-то хорошего вина. Посему второй акт нас уже не раздражал. В следующем антракте поход в буфет мы повторили, и третий акт нам уже понравился, даже очень.

К опере меня с детства приучила тетушка Вера, заядлая театралка. Сказались и коллективные посещения всем классом. Регулярно я там бывал в студенческие годы, а позже ходил в оперный театр с женой и с дочерью.

Однажды я взял три билета на «Травиату», но дочь отказалась идти — она работала почтальоном и упорно готовилась к повторному (на сей раз успешному) поступлению на восточный факультет Дальневосточного университета во Владивостоке. Услышав наш разговор, вместо сестры запросился в театр девятилетний сын Сергей, пообещав, что выдержит все три акта. После первого мы пошли в буфет и взяли сыну пирожное и еще что-то вкусненькое, после второго поход в буфет повторили. Тогда пирожные были натуральными, а цены копеечными. Сын действительно выдержал все три акта и, судя по выражению лица, слушал внимательно и с интересом. После «первой пробы пера» мы с ним стали регулярно ходить в театр и на концерты. Разумеется, с посещением буфета. Я потом шутил: «Путь к высокому искусству лежит через желудок».

Уже много лет мы с женой в оперу не ходим. Режиссеры с нетрадиционной жизненной ориентацией в большинстве постановок извратили все, что можно. Не дошла пока очередь только до «Князя Игоря».

Поскольку у дочери с раннего детства проявился отличный музыкальный слух, мы решили отдать ее в музыкальную школу. Узнали, что на собеседовании требуется повторить ладошками ритм мелодии, спеть несколько песен и выполнить еще что-то, и начали готовиться. Одна из песен, которую я выбрал для репертуара дочери, была о Гражданской войне — «Там, вдали за рекой». Однажды на домашней репетиции поем мы с ней под мой аккомпанемент на фортепиано первый куплет, второй, а на третьем вдруг замечаю, что пою я один. Оборачиваюсь, а Танюшка тихо и горько плачет — ей стало жалко молодого бойца.

Одна из наших походных песен, когда мы с ней, трех-четырёхлетней, бывали на природе, была «Солдатушки, браво, ребятушки». Одну фразу дочка пела так:

— Наши жены в пушки заряжены.

— Таня, почему в пушки-то?

— А куда их еще девать!

* * *

Свою будущую жену я пригласил на первое свидание на бульвар на Красном проспекте. Пришел к назначенному времени, сел на скамейку и в ожидании стал читать газету. Читал я, не отрываясь, до прихода дамы моего сердца. Когда взглянул на часы, оказалось, что она опоздала на полчаса. Если бы я посматривал на часы почаще, то ждать больше 15 минут ни за что бы не стал (самолюбие-с!), свидание бы не состоялось, а знакомство, возможно, на этом прекратилось. Так простая советская газета (не помню ее название) сыграла решающую роль в моей судьбе и в судьбе моей жены Ирины Петровны. Поженились мы рано и, вопреки статистике, прожили вместе 61 год.

* * *

В 1963 году мне довелось впервые встретиться с проявлением русофобии. Мы с женой были на Иссык-Куле в доме отдыха Сибирского отделения Академии наук СССР. Поскольку дом отдыха стоял на киргизской земле, местные власти бесплатно забрали себе половину мест, не отягощая себя затратами на эксплуатацию, при этом надавали путевок вдвое больше вместимости дома отдыха. Поехали мы однажды на экскурсию в Семеновское ущелье, получили на каждую группу из шести человек сухой паек. В нашей группе оказалась одна казашка, преподаватель вуза из Алма-Аты. За чаем у костра она нахваливала свой город, а потом неожиданно сказала: «Идешь по улицам и не понимаешь, чей это город — русский или казахский?» Я опешил, но достойного ответа дать не сумел — отечественную историю я тогда знал слабо. Пришлось более серьезно ее изучать и многое для себя открывать, даже по кастрированным учебникам истории СССР. Позднее, когда по производственным или научным делам я объездил почти все республики Советского Союза, мне это пригодилось.

В стройуправлении, где я работал до института, служил мастером некто Еременко. За какой-то брак в работе его на полгода понизили в должности — поставили бригадиром монтажников, строящих панельные дома. Когда окончился срок наказания, его решили восстановить в должности, но Еременко решительно отказался. У бригадира зарплата 350 рублей и выше, а у мастера, да не просто мастера, а старшего мастера, — 140 рублей, как у разнорабочего. Да еще ответственность за все: за качество, сроки, технику безопасности, своевременное поступление материалов, зарплату рабочим и т. д. Надо сказать, советская власть не очень жаловала инженеров, главным сословием для нее всегда был «гегемон» революции.

* * *

Зимой 1966/67 года я с сотрудником, моим хорошим товарищем Володей Строковым был в длительной командировке в Новокузнецке. Однажды он предложил съездить на выходные в соседний город Белово в гости к своему дяде Семену. Старик, стойчески перенесший в жизни много невзгод, оказался интересным собеседником.

В 1937 году, 1 мая, будучи крепко навеселе, он из самых патриотических побуждений полез на крышу сельсовета снимать красный флаг. Тот показался ему грязным, и он решил его постирать. Дядю Семена тут же сгребли и дали 10 лет по 58-й статье — за контрреволюционную деятельность. Просидел он «от звонка до звонка» и, вспоминая эти годы, рассказывал: «Зато с какими людьми сидел! Помню, рядом со мной на нарах был один инженер. Смотрит он на потолок барака и говорит мне: “Семен, выбей-ка ногой этот брус”. Я спрашиваю: “А крыша не рухнет?” — “Не рухнет”. Выбил я, а он мне велит: “А теперь с другой стороны!” Выбил я другой, а он говорит: “Вот теперь все нормально, а то дураки столько лишнего натолкали”». Как я понял, речь шла о деревянных фермах, статический расчет которых инженер сделал в уме и обнаружил ошибки. В наше время, когда людей с дипломами пруд пруди, такие специалисты уже почти не встречаются.

Наутро мы собрались уезжать, а дядя Семен слегка занедужил и решил подлечиться. Достает пол-литровую банку, полную разнокалиберных разноцветных таблеток. Выяснилось, что все таблетки, которые ему выписывали врачи, он ссыпал в одну тару и брал оттуда без разбору. Выпив при нас две какие-то таблетки, он через полчаса сказал: «Ну вот, теперь полегчало».

* * *

Осенью 1967 года я поехал в командировку в Москву на проходящем поезде. На нем возвращалось домой много демобилизованных солдат с Дальнего Востока. Оказались они и за моим столиком в вагоне-ресторане. Один сержант, крепко поддав, начал болтать о своей службе на аэродроме в городе Артеме под Владивостоком, о новых боевых самолетах и многом другом. Забавы ради я подначил его: мол, аэродром я этот

знаю, на нем стоят какие-то два десятка старых бомбардировщиков. Сержант повелся и начал перечислять не только марки, но и количество новейших самолетов. Я уже не знал, как его остановить, а потом сообразил. Достаяю свое красное, с гербом, удостоверение, прикрываю пальцами слова «путей сообщения», оставляю только «Министерство» и сую ему под нос. Сержант мгновенно протрезвел, встал, сделал руки по швам и стал лепетать что-то оправдательное. Я его милостиво отпустил, но предупредил, что если еще раз увижу пьяного, то пусть пеняет на себя. Шутка получилась жестокой, но полезной: в те годы за такую болтовню могли припаять уголовную статью «за разглашение». И поделом!

* * *

В 1971 году мы с женой были в турпоходе по Военно-Сухумской дороге. В то время популярным киноартистом был Владислав Дворжецкий, с которым у меня было некоторое внешнее сходство. Проводник-карачаевец подозрительно часто посматривал на меня. Наконец, подошел и тихонько спросил: «Ты в кино играешь?» Я ответил отрицательно. Кавказец не поверил, начал горячиться и говорить о том, что он перевидал много разных знаменитостей и ему непонятно и обидно, почему я скрываю свою личность. Чтобы прекратить бесполезный разговор, я сказал ему доверительно:

— А ты никому не расскажешь?

— Клянусь, никому!

— Тогда только тебе одному скажу: да, я снимаюсь в кино. Только смотри, никому!

Проводник был на вершине счастья и пребывал на ней до самого конца перехода.

* * *

В 1970-е годы единственным специалистом по обслуживанию и ремонту ЭВМ в вычислительном центре НИИЖТа работал Саша К-лов. По мере расширения ВЦ были дополнительно приняты инженеры, и монополия Саши как будто исчезла. Однако если случались сложные поломки, он оказывался единственным, кто мог их исправлять. Подвела Сашу страсть к эффектам: уж слишком быстро он ликвидировал неисправности, причин которых часами не могли доискаться другие. Это навело на подозрения, за Сашей стали следить и в конце концов выяснили, что «неисправности» он устраивал сам. И делал это не из корыстных побуждений (никакой материальной выгоды он за это не получал), а только ради славы. Пришлось ему увольняться с работы.

* * *

Как-то среди моих студентов-вечерников оказался секретарь комитета комсомола НИИЖТа Павел Б-ров. Мне позвонили из парткома института с просьбой помочь ему с курсовым проектом и «отнестись внимательно». Я скрупулезно просмотрел проект и нашел в нем массу огрехов. Главное, проект был попросту не закончен. Я отправил

комсомольского секретаря исправлять ошибки и приходиться, когда проект будет готов к защите. Через день приходит вновь — как прежде, важный и немногословный. Проект доделан, но многие ошибки не исправлены, и ни одного членораздельного ответа на мои вопросы. Похоже, человек совершенно не понимал, что делал (да и сам ли делал?). О положительной оценке и речи не могло идти. На следующий день меня пригласил для беседы секретарь парткома С. И. Черноусов, человек очень воспитанный. Он вежливо пытался убедить меня, что Б-ров выполняет ответственную работу, крайне занят и потому требует к себе особого отношения. Я долго слушал, а потом сказал: «Уважаемый Сидор Иванович, если я комсомольскому лидеру должен ставить четверки вместо двоек, то что мне ставить рядовым комсомольцам? Кроме того, главная задача комитета комсомола в вузе — мобилизовать комсомольцев на добросовестную учебу. А тут явное несоответствие получается. По-моему, Б-ров сидит не на своем месте». Так мы ни до чего и не договорились. А проект Б-ров сдал другому преподавателю. Тот был членом КПСС и звонок из парткома воспринял как партийное поручение...

* * *

Главным инженером крупнейшего в Новокузнецке завода сборного железобетона был Николай Павлинович Пуляевский — умница, человек прямой и бесхитростный. Когда его приглашали на заводское партсобрание, он отвечал: «Во-первых, я беспартийный, а во-вторых, мне работать надо, а не время на пустую болтовню терять». На него махнули рукой, приглашать перестали и терпели только потому, что по глубине знаний, производственному опыту и умению быстро находить грамотные выходы из технически сложных положений ему не было равных.

Как-то приезжаю к нему с нашей новой конструкцией балок, которая на четверть легче типовых и на 15 % экономичнее по расходу арматурной стали. Он посмотрел чертежи, задал мне массу вопросов и отметил, что балки ему очень понравились, но внедрять их у себя не будет. «Смотри сам, — сказал он, — экономия бетона 25 %, а экономия арматуры 15 %. Значит, на каждый кубометр бетона расходуется больше арматуры. А нам фонды на арматуру дают из расчета на куб бетона...» Таковы были издержки плановой экономики.

* * *

Однажды на лекции, с коими тогда часто выступали в НИИЖТе пропагандисты из горкома или обкома КПСС, зашла речь о садовых участках. Кто-то из аудитории задал вопрос: «Ну ладно, дачные домики размерами не больше, чем три на четыре метра. Но почему запрещено строить бани? Почему на Кавказе они разрешены?» Лектор ничего умнее не придумал, как ответить: «Мы должны учитывать национальные особенности других народов нашей страны». Это вызвало откровенную бурю возмущения: «Что, национальная особенность русских — ходить грязными?!» Лектор промямлил что-то нечленораздельное и на этом лекцию закончил.

Начальником отдела оснастки у нас в СКТБ (я там работал в 1970—1980-х годах) был Б. П. Ж-ский, человек среднего роста и субтильного телосложения. На всех праздничных застольях он быстро пьянел и становился сентиментальным. В таком состоянии он однажды зашел в мой отдел, подсел ко мне и предложил: «Давай, Валерий Васильевич, выпьем на... ну, как это...» Он долго вспоминал слово «брудершафт» и, наконец, промолвил: «Давай выпьем на эшафот!»

По части использования импортных слов он отличился еще не раз. Тогда на телеэкранах с утра до вечера мельтешил опостылевший Горбачев со своим «консенсусом». На одной из планерок разгорелся горячий спор между начальниками отделов. Борис Павлович решил всех примирить: «Что мы ругаемся! Давайте находить этот... косинус». Всеобщий хохот действительно всех примирил.

Работал в моем отделе заведующий сектором Леня Гр-нов. Читал он много, но был ужасно косноязычным. Его спрашивают: «Где такой-то отчет?», а он: «Где его судьба, я не знаю». На отдельных планерках свое выступление он начинал обычно словами: «Я хочу сказать вот какого содержания». Многие его фразы становились у нас крылатыми.

* * *

Сегодня невозможно представить, что в 1960—1970-е годы никаких досмотров в аэропортах не было: взвесил багаж, зарегистрировался и пошел на посадку. В 1970-е я был свидетелем одного сюжета. Стою в аэропорту Внуково в очереди на посадку. Передо мной полковник с небольшим чемоданом и генерал-майор налегке, оба одного возраста, оживленно беседуют между собой. Я подумал: вот прощаются старые сослуживцы-товарищи или однокашники по академии. Полковник улетает в свою часть, а генерал провожает. Но перед самым выходом на посадку выяснилось, что улетал генерал, а полковник, как обычный денщик, нес его чемодан. Думается, пресловутая «дедовщина» началась не в солдатских казармах, а в генеральских кабинетах.

* * *

Бывая в Москве, я, как все приезжие провинциалы, под завязку «отоваривался» дефицитными тогда товарами. Однажды при предварительном взвешивании обнаружил, что мой чемодан тянет на 36 килограммов (тогда разрешался бесплатный багаж весом до 30 кг). Пришлось «расфасовывать» 6 кг апельсинов по всем карманам. При посадке женщина-контролер спросила:

— А что у вас в карманах?

— А... это в дорогу, перекусить.

Она сочувственно улыбнулась.

* * *

Осенью 1970 года мы с женой «дикарями» побывали в отпуске в Средней Азии. Прилетели в Бухару, устроились в гостинице, а наутро

пошли осматривать город. Рядом с гостиницей был базар, на котором ничего интересного, кроме одного дряхлого аксакала, не увидели. Сидя по-турецки на коврике, он торговал четырьмя дверными ручками. Ручки были деревянными и на редкость грубо изготовленными — такие у нас когда-то использовали для дверей дворовых уборных. Возвращаясь под вечер в гостиницу, мы опять заглянули на базар и увидели того же аксакала, в той же позе и с теми же ручками. Вероятно, главным для старика была не прибыль, а сам процесс торговли — традиционно уважаемое на Востоке настоящее мужское дело.

В центре Бухары была площадь под названием Ляби-хауз, сохранившаяся в первоначальном виде со Средних веков. В ее центре располагался живописный искусственный водоем, а вокруг него несколько чайхан. В одной из них мы заказали зеленый чай и пресные лепешки. Чайханщик, прежде чем подать нам пиалы, ополоснул их в тазу с черной, с жирными разводами водой. Я возмутился такой антисанитарией и попросил вымыть их как следует. Он вымыл пиалы под краном, вытер их изнутри грязными пальцами и подал мне левой рукой, прижав правую руку к сердцу. Я был сражен, протестовать язык не повернулся.

* * *

В 1970-е годы в одной из своих командировок в Ленинград мне пришлось задержаться на выходные дни. Гуляя по городу, набрел на Николо-Богоявленский морской собор, вошел внутрь и был настолько потрясен хоровым пением, что задался вопросом: «Почему на концертах и по радио никогда не звучит эта божественная музыка? Потому что она церковная? Тогда почему звучат хоралы и мессы Баха и Генделя, “Аве Марии” Баха и Шуберта, “Реквиемы” Моцарта и Верди?» Догадался не сразу: «Да ведь потому, что это русская церковная музыка».

О кофе со взбитыми сливками я читал у русских классиков, а впервые отведал этот изумительно вкусный напиток в командировке в Харькове. В Киеве и Одессе с этим «барским» напитком тоже проблем не было. Какими же голодными и неухоженными на этом фоне были российские города, ковавшие щит Родины, — Красноярск и Иркутск, Нижний Тагил и Горький, Челябинск и Куйбышев, и несть им числа. А «настоящие» («щирые») украинцы были убеждены, что это они кормят Россию. Так же считали и другие наши «братья» по СССР.

То, что только русские напиваются, а европейцы потребляют алкоголь культурно, оказалось слухами. Мне рассказывали десятки историй о том, как напиваются поляки, немцы и венгры, да я и сам был этому свидетелем. «Культурное» питье европейцев объясняется элементарной расчетливостью. Эта же жадность вызывает у них желание выпить как можно больше за чужой счет. При этом финны, латыши и эстонцы прекрасно напиваются и на собственные деньги. «В доску» пьяных латышей я видел в Риге, а еще более пьяных финнов — в Ленинграде, куда они ездили по путевкам выходного дня с целью напиться (в Финляндии были ограничения по части спиртного). Эти «экскурсии» редко обходились без пьяных дебошей.

Кстати, об алкоголе. Мой хороший знакомый В. Б. Матэри (сын знаменитого в 1930-е годы инженера — автора конструкции купола Новосибирского оперного театра), сотрудник института «Сибгипрошахт», рассказывал такой случай. В ходе строительства БАМа (Байкало-Амурской магистрали) началось освоение богатейшего месторождения угля в Нерюнгри, в котором планировалось участие японцев. На место для переговоров приехали представители заинтересованных сторон, в том числе и Матэри как проектировщик. Наши, зная об иезуитской хитрости и коварстве японцев, применили тактический прием. Накануне подписания соглашения устроили банкет, на котором из спиртного была только водка и подавали ее в стаканах. Попытка японцев уклониться от выпивки пресекалась сакраментальной фразой: «Вы нас не уважаете? Знаете, у нас так не принято». Японцы оказались жертвой собственной вежливости. Наутро они были настолько больны, что не смогли работать. Руководители нашей делегации и здесь нашли верный ход: «Не волнуйтесь, мы вас быстро вылечим!» Поднесли японцам по полстакана — те ожили, еще по полстакана — повеселели. После этого было подписано соглашение, выгодное нашей стране. Конечно, оно было выгодно и Японии, но не в такой степени, как в первоначальном варианте...

* * *

Как-то моим соседом в самолете оказался крупный чин из Западно-Сибирского управления гражданской авиации. Перед самой Москвой наш самолет развернули и посадили в Куйбышеве (ныне Самара), где мы просидели часа четыре. Мой сосед был страшно расстроен:

— Я должен быть в министерстве на совещании в 11 часов!

— Но вы же не виноваты. Скажете, что самолет опоздал.

— А-а-а, это детская отговорка. Мне ответят: «Ты, старый дурак, 20 лет в “Аэрофлоте” работаешь и свою фирму знать должен!»

* * *

Однажды в конце 1970-х мы с моим другом и коллегой Володей Строковым (переехавшим незадолго до того в Новгород и работавшим управляющим трестом) одновременно оказались в командировке в Министерстве строительства в Москве. Позвонили одному бывшему нийжтовцу, новоиспеченному москвичу, и все вместе решили встретиться в ресторане «Славянский базар». Выпили, закусили, говорим о том о сем. Приносят на горячее лангеты. Володя попробовал и говорит: «Ребята, а гарнир с душком». Несмотря на наши отговоры, подзывает официанта. Тот, бестия, профессионал — сразу учуял в нас провинциалов, говорит снисходительно. Володя требует шеф-повара. Является, высокомерно разъясняет, что это специфический запах какого-то овоща (врет, конечно!). Тут Володю понесло: «Сударь мой, такого запаха не бывает даже у спаржи после недельного маринада. Специфический запах издают только артишоки, но запах у них пикантный. Вы принесли нам тухлятину, потрудитесь ее заменить и в дальнейшем будьте осмотрительнее, прежде чем обнаруживать недостаток своих кулинарных

познаний». Блюда нам заменили, причем на всякий случай принесли куда более увесистые лангеты. Когда мы спросили Володьку, что такое спаржа и артишоки, он ответил, что понятия не имеет, где-то читал...

* * *

В 1983 году я в составе делегации из шести человек побывал по линии Минстроя СССР в командировке в Венгрии. Главой делегации был некто Р-чев, зам. начальника Главтехуправления министерства. Остальные оказались тоже крупными начальниками из Ярославля, Калинина (Твери), Горького (Нижегород) и Вильнюса. Все члены КПСС. Как я при своей скромной должности начальника отдела СКТБ и беспартийности туда попал, вероятно, было для них загадкой.

Мои отношения с Р-чевым сразу не сложились. По дороге из Будапешта в Дьер (нас везли на микроавтобусе) нам неоднократно встречались памятники павшим советским воинам. Я предложил купить цветы и возложить их к одному из следующих памятников. Главе делегации «инициатива снизу» не понравилась, и он ее барственно осадил. Дальше — больше, и через день наши отношения были почти что враждебными. Однако в последние два дня нашего пребывания в Венгрии Р-чев горячо меня возлюбил.

Из западного Дьера нам нужно было переехать через всю Венгрию в восточный Дебрецен. Дорога на микроавтобусе долгая, поэтому радужные хозяева снабдили нас огромным количеством вина. Р-чев крепко надрался, вечером в гостинице добавил еще и, возвращаясь к себе из туалета, перепутал комнату и полез спать на мою кровать. На мои возражения и увещания других он ответил многоэтажным матом. Пришлось нам его тело переносить на законную кровать. Наутро его многоопытный сосед по комнате, начальник Калининского управления строительства, доходчиво описал ему события вчерашнего дня, отчего Р-чева обуял страх. Он, видимо, решил, что если в делегацию включили какую-то мелкую беспартийную сошку из дремучей Сибири, наверное, это просто стукач из КГБ. После чего Р-чева было не узнать — заискивание его передо мной было настолько мерзким, что было неудобно всем.

Надо признать, что барственная спесь Р-чева проявлялась не только по отношению к членам нашей делегации, но и к венграм. Некоторые основания для этого были. Ездили мы туда в порядке обмена опытом, хотя учиться нам у венгров в техническом отношении было нечему. Мы, каждый по своему направлению, находили у них немало несовершенного и отсталого. Это они, бывая у нас, совершенно бесплатно увозили домой кучу конструкторской и технологической документации. А для советских делегаций ответные командировки были лишь приятными турпоездками за государственный счет.

Учиться у венгров нужно было не нам, инженерам, а политикам. Там уже несколько лет успешно реализовывалась новая экономическая модель. Предприятия оставались в собственности государства, но государственные планы им постепенно снижались, а остальные заказы они должны были искать сами. Появилась конкуренция, стремление к снижению себестоимости продукции и повышению ее качества. Госзаказы

давались на основе конкурсного отбора. Чтобы не разгонять инфляцию, государство установило жесткий контроль за ростом зарплаты, в том числе у директоров (не более 4 % в год). Была разрешена частная торговля и частный сектор в сельском хозяйстве. Полки магазинов ломились от товаров. Свои трудности у венгерского правительства, конечно, были, но была цель, и страна двигалась к этой цели. Как это назвать — государственным капитализмом или рыночным социализмом, не знаю. Думаю, все же социализмом, ибо соблюдался его главный принцип: «От каждого — по способностям, каждому — по труду». В Кремле об этом знали, но там также знали, что в Венгрии партия не вмешивается в производственную деятельность предприятий, а для аппарата КПСС это было смерти подобно. Смерть все же наступила, но по другим причинам.

Помню, в Будапеште зашел с двумя коллегами в небольшой универсам. Они (оба из «голодных» краев — Ярославля и Горького) не скрывали зависти и восторга от обилия сортов колбас, сыров и прочей гастрономии. Я им посоветовал: «Вы смотрите на них не как на товары, а как на музейные экспонаты, которые ни потрогать, ни попробовать нельзя. И сразу на душе станет спокойнее». Кстати, родина еще одного члена нашей делегации — Тверь тоже находилась в «голодном» крае. Тверяки шутили: «Снабжение у нас плохое, но зато есть два хороших пригорода — Москва и Ленинград».

В Венгрии в одной комнате со мной жил В. Эленбергас из литовского министерства строительства (кроме союзного министерства, были еще и подчиненные ему республиканские). Время было такое, когда уже можно было без опасения высказывать умеренно-крамольные мысли. Витаутас и выдал, что до 1940 года Литва процветала, а после присоединения к СССР все стало намного хуже. Я ему насмешливо ответил, что до 1917 года и в Сибири было изобилие. Она экспортировала хлеб, барабинское масло шло к столу английской королевы, и проблем с мясом не возникало. На этом тема была закрыта.

Однажды в Дебрецене наша переводчица с очень большим почтением отозвалась о Яноше Кадаре, добавив: «Он не то, что ваш (т. е. Брежнев. — В. Г.), который нацепил на себя все ордена». Меня задело: «Знаете, у нас принято, как в Древнем Риме: о мертвых или хорошо, или ничего». Переводчица была вынуждена извиниться.

До меня в аналогичной командировке в Венгрии поздней осенью побывал наш главный инженер А. Е. Требесов, личность очень яркая. Делегацию, в которой он был, привезли на озеро Балатон, и кто-то из мадьяр подначил в том смысле, что сибиряки — народ закаленный и такой воды, наверное, не боятся. А. Е. (ему уже было далеко за пятьдесят) откликнулся на подначку: зашел в озеро с обжигающе холодной водой и несколько минут поплавал. Потом демонстративно неспешно обтерся, оделся и не торопясь дошел до гостиницы. Как позже признался Требесов, далее он во всю прыть помчался в буфет, купил бутылку бренди, всю ее выпил, завалился спать и утром встал без признаков простуды. На следующий день в венгерском министерстве об этом уже знали. Когда туда привезли с Балатона советскую делегацию, Требесова встречали как

героя. На восторги венгров он «застенчиво» отвечал: «А что тут особенного. Мы в Оби купаемся, как только лед сойдет. Иногда даже плаваешь и льдины руками отталкиваешь». К счастью для меня, поездка нашей делегации на Балатон (дело было в октябре) предусмотрена не была.

* * *

В 1985 году меня схватил сильнейший приступ остеохондроза, после которого я еще некоторое время ходил с палкой. Захожу как-то в новосибирский ЦУМ, подходит ко мне молодой человек восточной наружности и обращается с акцентом: «Вы мне не можете купить шапку?» — «Что, нужно померить?» — «Да нет, там шапки инвалидам войны дают».

* * *

В 1986 году в Кутаиси произошло обрушение покрытия строящегося мясокомбината с человеческими жертвами. Оно так бы и осталось внутренним делом Грузии, но комбинат был единственным пусковым объектом союзного Минмясомолпрома, и потому катастрофа приобрела всесоюзный статус. Министерство строительства СССР направило туда комиссию для расследования причин в составе трех человек: меня по части железобетонных конструкций, ярославца по части технологии строительства и москвича из министерства неизвестно по какой части. Причины обрушения выяснили быстро: прочность бетона 18-метровых балок была вдвое ниже проектной, а арматуры в них оказалось в полтора раза меньше, чем требовалось. Приехали в Тбилиси на завод-изготовитель. Главный инженер, почему-то кандидат наук в области керамики, шестой по счету за последние пять лет (видимо, эту должность давали «для кормления»), уверяет, что разрешение на изменение конструкции им дал местный НИИ. Мы просим показать чертежи с изменениями и научно-технический отчет о результатах испытаний столь «экономичных» балок. Через полчаса нам приносят счета на оплату работы этого НИИ. Мы говорим, что нас интересует не счет, а отчет. Ждем еще час, но ни чертежей, ни отчета так и «не нашли». Вернулись в Москву, доложили результаты, а на вопрос зам. министра, что делать, ответили, что дальнейшие действия — это прерогатива прокуратуры. Зам. министра с сомнением покачал головой: у грузин в Москве столь могучая рука (он имел в виду члена Политбюро Шеварднадзе), что связываться себе дороже.

В 1988 году произошло катастрофическое по своим последствиям землетрясение в Армении, однако еще вопрос, кто больше виноват в огромном количестве жертв — стихия или армянские строители. В Леникане рухнул огромный, только что построенный производственный корпус, запроектированный по всем антисейсмическим правилам одним новосибирским проектным институтом. Поскольку была задета честь институтского «мундира», его директор обратился к кафедре железобетонных конструкций НИСИ (я там работал тогда по совместительству) с просьбой выяснить причины обрушения. В Леникане отправилась группа опытных специалистов и через две недели привезла ошеломляющие результаты, проиллюстрированные фотографиями. Не говоря

о массовых чисто технических безобразиях (низкая прочность бетона, отсутствие сварки деталей, недостаточность арматуры, вопиющие отклонения от размеров и т. д.), в теле железобетонных конструкций встречался обыкновенный мусор, включая старые галоши...

* * *

За год до землетрясения я побывал в Ереване с докладом на всесоюзной конференции. Там меня поразили две вещи. Во-первых, гигантские памятники. Во-вторых — пустующее метро. Зачем оно нужно просторному городу с широкими улицами, хорошим наземным транспортом и населением, едва достигшим миллиона, было непонятно. Единственное объяснение — «ленинская национальная политика».

* * *

В конце 1980-х годов, в завершающий период моей работы в СКТБ, правительство Рыжкова пошло на уступки либералам и сняло всякие ограничения в зарплате. Для моего отдела это было выгодно: заявки на наши разработки сыпались со всех сторон, и моя зарплата стала доходить до 1 200 рублей в месяц. Среднемесячная зарплата в СССР в тот период составляла около 200 рублей. Раньше мы могли перевыполнить план хоть в десять раз, но зарплаты это нам не добавляло: вместе с премиями я получал максимум 300—320 рублей. Одновременно я преподавал по совместительству в Сибстрине. Зарплата там была так невелика, что я даже забывал ее вовремя получать. Однако привычка считать каждый рубль при прежней скромной жизни оказалась сильной и превратилась в натуру.

Как-то зимой, возвращаясь поздно вечером из института после лекций у вечерников, я вышел на остановку и долго не мог дожидаться троллейбуса. Пока ждал, мимо прошмыгнуло несколько пустых такси, но у меня и мысли не возникло остановить машину. «Это роскошь, это не для меня», — сидела подспудная мысль. Только потом сообразил, что истрачу на дорогу копейки, но такси больше не попадались. Так и пошел по морозу пешком до станции метро. Такова была расплата за инерцию мышления.

С началом «рыночных реформ» люди перестали смеяться, исчезли даже улыбки на лицах молодежи. Если раньше молодые люди ехали в электричке за город с песнями под гитару, то теперь без песен и без гитары. Пенсии не выплачивали месяцами, и вскоре старики стали походить на бомжей.

В 1990-е годы цены на услуги росли фантастическими темпами, особенно в парикмахерских. По этой причине среднестатистический новосибирский мужчина стригся не чаще трех-четырёх раз в год. Как-то, будучи в шутовском настроении, захожу в парикмахерскую:

— Сколько у вас стоит обычная стрижка?

— Десять тысяч.

— А полголовы — пять?

— То есть как это — полголовы? Я вас не понимаю.

Тогда снимаю со своей наполовину лысой головы шапку:

— Вот так, полголовы!

Парикмахерша растерялась, но ненадолго:

— Хорошо, за шесть тысяч я вас постригу.

Потом мне эти «торги» надоели, я купил себе машинку и с тех пор стригусь дома.

Однажды встречаю своего соседа по даче К-лякова, пенсионера, бывшего директора проектного института и коммуниста. Он оказался крайне расстроен тем, что в киоске на железнодорожной станции его обсчитали. Я шутливо утешил: «Что вы переживаете? Гусинский с Березовским да Смоленский с Ходорковским у нас с вами полстраны украли, а здесь какие-то копейки». Он: «Меня Гусинский с Березовским не колышут, я с ними дел не имею».

* * *

С 1991 года в течение 23 лет мне довелось возглавлять Общество железобетонщиков Сибири и Урала, под эгидой которого раз в полтора-два года проводились конференции ученых и специалистов из разных городов России и даже из Белоруссии и Казахстана. На них звучали доклады о результатах исследований, происходил обмен свежей научной информацией и «обкатывались» работы аспирантов, часто получавших при этом полезные «синяки» и «шишки». Регулярно издавались сборники научных трудов Общества, редактированием которых по должности занимался я (все это на общественных началах). Эта работа была намного труднее, чем председательствование на конференциях, так как многие, особенно молодые, авторы плохо владели русским языком. Мало того что статьи у них были написаны, как тогда шутили, «двойным хлюстом» («одинарным хлюстом» — это когда автор понимает, что написано, но не понимает читатель; «двойным хлюстом» — когда не понимают ни читатель, ни автор). Они часто злоупотребляли научными терминами, имеющими синонимы в русском языке, грешили несогласованностью падежей, чисел и времен. Как в известной шутке: «Если хочешь сил моральных и физических сбережь, // Пейте соков натуральных, укрепляйте грудь и плеч». Или: «Идут двое: один в театр, другой в галошах».

В 1980-е годы в Москве я как-то заехал в редакцию журнала «Бетон и железобетон» и там мне рассказали один забавный случай. В одном из литературно-художественных журналов (сейчас уже забыл, в каком именно) молодому редактору в качестве первоапрельской шутки подсунули перепечатанный на машинке рассказ А. П. Чехова и сказали, что это рассказ начинающего автора из провинции. Редактор постарался на славу. Он не только его существенно литературно отредактировал, но и сократил текст самого лаконичного русского классика. Тогда же я услышал и о «болезни», именуемой «редакторским зудом», которой старался не заразиться в своей редакторской работе.

* * *

В моем потоке выпуска 1993 года была одна очень яркая и сильная группа, в которой, кроме лекций, я вел практические занятия и курсовое проектирование. Это была моя любимая группа, всех ее студентов

я знал не только по фамилии, но и по имени. Большинству, как я считал, была уготована блестящая профессиональная судьба. Спустя время я встретил одного из ребят этой группы и поинтересовался, кто как устроился. Оказалось, что по специальности устроился только один, да и тот — бригадиром рабочих-кровельщиков. Остальные работают продавцами, мелкими клерками в посреднических конторах или даже подались в «челноки» (возили из Китая барахло для перепродажи).

* * *

В 1993 году в Новосибирске при областном Совете народных депутатов был создан радиоканал «Слово», отличавшийся твердой патриотической позицией. Его то закрывали, то открывали, а с 1995 года он наконец заработал стабильно. На одном из дискуссионных собраний (политических «тусовок»), кои тогда часто проводились в бывшем Доме политпросвещения обкома КПСС (теперь на этом месте возведен концертный зал филармонии), я познакомился с главным редактором радиоканала В. П. Котельниковым. Он пригласил меня выступить к себе на радио. Там существовала рубрика «Свободный микрофон», где выступающие рассуждали преимущественно о том, как раньше было хорошо и как теперь стало плохо.

Это были годы беснования русофобов не только во всех средствах массовой информации, но и в литературе и искусстве. Осенью 1995 года прозвучала моя первая радиопередача под названием «Можем ли мы жить, как на Западе?». Ее целью было разоблачение либеральной лжи о том, что стоит избавиться от советского наследия, и мы заживем, как в Европе. С цифрами в руках я доказывал, что в силу суровых природно-климатических условий наша продукция всегда будет дороже, что по причине большого числа охотников до русской земли у нас всегда будут самые высокие военные расходы и что высокий уровень жизни на Западе в значительной мере обеспечивается политикой неокOLONиализма, которую Россия никогда не проводила. Позднее эта тема была развита А. Паршевым в книге «Почему Россия не Америка». Моя передача вызвала множество положительных откликов, и ее повторяли несколько раз.

Следующей была передача «Нужен ли России Советский Союз?». В ней я на исторических примерах и цифрах показал, что все многонациональные империи недолговечны и что советская «дружба народов» базировалась на огромных дотациях России союзным республикам и социально-экономической дискриминации русского народа.

Потом пошли передачи на еще более злободневные темы, включая «Десять ельцинских ударов по России». Название было выбрано как антипод «Десяти сталинским ударам» по Германии. Передача вышла в эфир в 1996 году накануне второго тура выборов президента России, когда главным соперником Ельцина выступал секретарь ЦК КПРФ Зюганов. Она вызвала не только широкую поддержку радиослушателей, но и анонимные угрозы автору по телефону. Группа патриотически настроенных радиослушателей застенографировала передачу, а потом принесла текст в Новосибирский обком КПРФ с предложением отпечатать

и распространить в виде листовки. Однако местные коммунисты отвели: «Вам надо, вы и распространяйте».

Выступал я на радио почти три года, а ушел по причине разногласий с редактором (им тогда была Т. Б-ская). В те же годы я написал брошюры «Задачи русской молодежи», «Отсталый ли русский народ?» и «Где искать фашистов в России», быстро распространившиеся в Новосибирске и за его пределами. В последней я постарался дать жесткий аргументированный ответ обвинителям русского народа в фашизме — герберам, новодворским, швыдким и прочим русофобам.

Поскольку среди моих передач было несколько, посвященных защите Русской православной церкви от агрессивного нашествия сект и иностранных конфессий, мне довелось близко познакомиться с несколькими священниками. Александр Новопашин, Анатолий Носков, Святослав Невзоров, Виктор Сметанников и ряд других оказались замечательными молодыми людьми, которые пошли в священнослужители «не корысти ради», а по зову русской души. В середине 1990-х по их инициативе был создан Новосибирский общественный комитет «За нравственное возрождение Отечества», председателем которого избрали отца Александра, а сопредседателем — меня. Комитет развернул широкую просветительскую работу национально-патриотического направления, но в нулевые годы ее пришлось свернуть из-за неодобрительного отношения нового новосибирского епископа.

В те годы мне часто приходилось выступать перед молодежными аудиториями — в школах и летних православных лагерях. Мои друзья отец Анатолий и отец Святослав никак не могли понять, почему я остаюсь человеком невоцерковленным. Я отвечал, что защищаю Русскую православную церковь потому, что она — один из русских национальных институтов, а когда перестанет быть таковым, то и защищать перестану. Воцерковить меня они так и не сумели и, в конце концов, присвоили мне титул «православный атеист».

* * *

Институт в Харькове, куда я приехал в командировку в конце 1980-х, находился рядом с огромной площадью Дзержинского, местным Гайд-парком. Прохожу мимо толпы митингующих, от нее отделяется какой-то возбужденный человек, берет меня за рукав и возмущенным голосом на южнорусском диалекте спрашивает: «Кто, по-твоему, Гоголь — русский или украинский писатель? Там москали говорят, что русский». Я в ответ спросил: «А на каком языке писал Гоголь?» — «Ну, на русском». — «Вот ты и ответил на вопрос». Он страшно разгорячился, и я счел за благо дискуссию не продолжать.

Был у меня один хороший знакомый — якут Дима Ф., грамотный проектировщик и талантливый программист. В 1990-е годы он как-то высказался в том духе, что если бы Якутия была независимым государством, то с ее огромными запасами ископаемых она жила бы припеваючи (это был результат проводившейся в то время массивной пропаганды идей сепаратизма). Я возразил Диме. Во-первых, коренной

народ Якутии — эвенки, а якуты лишь на 100 лет «кореннее» русских, и прав у них на Якутию не больше, чем у русских. Во-вторых, такое маленькое по населению государство в современном мире не может быть независимым: если не Россия, то — Китай. А если Китай, то через 50—70 лет якуты растворятся в китайцах без остатка и вспоминать о них будут только этнографы. Дима, умный человек, хоть и нехотя, согласился.

* * *

В 2010-е годы у меня состоялся разговор с двумя молодыми коллегами, которые ругали советскую эпоху с сугубо меркантильной стороны: мол, в магазинах ничего не было, за всем очереди. На это было трудно возразить, но я попытался защитить ту эпоху. Да, в советские времена товаров на всех не хватало. Сегодня товаров полно, но не у всех хватает денег. Дефицит остался, только он другой. И все же у советской эпохи было минимум два бесспорных плюса — уверенность в завтрашнем дне и высокая общественная нравственность.

С «уверенностью» они согласились, вспомнив, что живут у родителей, которые получили квартиры в советское время бесплатно. Сами они могут купить квартиру только через ипотеку и не дай бог, если при этом потеряют работу. С «общественной нравственностью» дело оказалось сложнее, общие рассуждения собеседников не устраивали, им требовались цифры и факты. По счастью, некоторыми цифрами я владел и смог рассказать, во сколько раз выросли заболеваемость сифилисом и число разводов. Количество детей-сирот превысило их число на момент окончания Великой Отечественной войны (и это при живых родителях!). Наркомания и казнокрадство стали поистине национальным бедствием. С этим они были вынуждены согласиться, однако их симпатии все равно остались на стороне «рыночной демократии». В конце концов мы сошлись на том, что идеального общественного строя нет и быть не может. У каждого свои достоинства и недостатки. Вопрос в том, кому что больше по душе.

* * *

С моим школьным другом Леной Чернобаем мы не виделись несколько лет, а недавно случайно встретились в поликлинике. Обрадовались, что оба живы, обнялись, и он спрашивает: «Ну как здоровье?» Отвечаю: «Леня, мы где с тобой встретились? На беговой дорожке или на лыжне? Если начнем говорить о здоровье, до утра не закончим».

* * *

Жизнь подходит к концу. Все меньше и меньше остается моих сверстников, все больше и больше событий прошлого стирается в памяти. Остается только главное — насыщенная жизнь, плодотворная работа и хорошая семья.